

УДК 347.195.3:347.44:347.23

**ОТЛИЧИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ БЕНЕФИЦИАРА ЛИЧНОГО
ФОНДА ОТ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ДОГОВОРА****Урусова Мария Александровна,**бакалавр, выпускница МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9, стр.
1. Место работы: Адвокатский кабинет Владимировой Т.В., masha.urusowa2016@yandex.ru**Аннотация**

Интенсивный рост числа зарегистрированных личных фондов в России позволяет выявлять законодательную недосказанность в урегулировании данного института, которая способствует появлению соответствующих доктринальных дискуссий. Так, отечественный законодатель наделил имущественные права выгодоприобретателя личного фонда иммунитетом. С одной стороны, необоротоспособность этих прав и запрет на обращение взыскания надежно защищают непрерывность бизнеса. С другой – создают легальные предпосылки для злоупотреблений должниками и прямого ущемления интересов взыскателей. Цель в статье заключается в проведении сравнительно-правового анализа специфики прав выгодоприобретателя личного фонда в сопоставлении с классическими договорными требованиями, чтобы определить справедливый экономико-правовой баланс интересов вовлеченных сторон. В ходе анализа резюмировано, что сложившаяся чрезмерная изоляция активов хотя и строго отвечает изначальной воле учредителя, объективно стимулирует фиктивные банкротства, нарушает права независимых кредиторов. Впрочем, прямолинейный отказ от такого иммунитета нивелировал бы саму экономическую суть личного фонда как инструмента долгосрочного планирования. Сформулированные выводы и рекомендации будут полезны цивилистам-исследователям, практикующим корпоративным юристам, нормотворческим органам для более тонкой настройки российского гражданского законодательства.

Ключевые слова: бенефициар, доктринальная дискуссия, защита активов, имущественные права, кредиторы, личный фонд, необоротоспособность, обращение взыскания, обязательственное право

**THE DISTINCTION BETWEEN THE PROPERTY RIGHTS OF A PERSONAL
FUND BENEFICIARY AND PROPERTY RIGHTS ARISING FROM A
CONTRACT****Urusova Mariia Aleksandrovna,**Bachelor's Degree Holder, Graduate of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9 bld. 1
Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow Place of Work: Law Office of T.V. Vladimirova,
masha.urusowa2016@yandex.ru

ABSTRACT

The rapid growth in the number of registered personal funds in Russia allows for the identification of legislative ambiguity in the regulation of this institution, which has led to corresponding doctrinal debates. Specifically, the domestic legislator has endowed the property rights of a personal fund's beneficiary with immunity. On the one hand, the absolute inalienability of these rights and the strict prohibition of foreclosure ensure the continuity of business and asset preservation. On the other hand, they create legal preconditions for abuse by debtors and direct infringement of creditors' interests. The purpose of the article is to conduct a comparative legal analysis of the specific nature of the rights of a personal fund beneficiary in comparison with classical contractual claims in order to determine a fair economic and legal balance between the interests of the parties involved. The analysis concludes that the existing excessive insulation of assets, while strictly consistent with the founder's original intent, objectively stimulates fictitious bankruptcies and undermines the rights of independent creditors. However, a straightforward abolition of such immunity would negate the very economic essence of the personal fund as an instrument of long-term planning. The conclusions and recommendations formulated will be useful for civil law scholars, practicing corporate lawyers, and legislative bodies seeking to fine-tune Russian civil legislation.

Keywords: beneficiary; doctrinal debate; asset protection; property rights; creditors; personal fund; inalienability; foreclosure; law of obligations

В современных экономических и правовых реалиях Российской Федерации наблюдается существенное преобразование механизмов управления крупным частным капиталом. Начиная с марта 2022 года, в отечественное гражданское законодательство был инкорпорирован институт личного фонда, который концептуально стал российским аналогом траста и частных фондов, исторически присущих юрисдикциям общего права.

Эмпирические сводки указывают на интенсивный рост востребованности данного инструмента среди представителей бизнеса в последние годы. Если в 2022 году было зарегистрировано всего четыре личных фонда, то в 2025 году их число достигло 168, а к началу 2026 года количество действующих фондов превысило 577 [5, 7].

Такое масштабное перераспределение частного капитала требует доктринального анализа правовой природы отношений, возникающих в рамках функционирования института личного фонда. Как представляется, одной из наиболее дискуссионных проблем является точное определение юридической специфики прав бенефициаров, выступающих в роли выгодоприобретателей и определяющихся условиями управления.

Так, российский законодатель сконструировал права бенефициара личного фонда как права принципиально особого рода (*sui generis*), наделив их абсолютным иммунитетом. Специфика анализируемых прав порождает определённую коллизию интересов между бенефициаром, стремящимся к сохранению своих активов, и его личными кредиторами.

В соответствии со ст. 123.20-6 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), выгодоприобретатель личного фонда наделяется правом на получение имущества или дохода согласно утвержденным условиям управления. Между тем, фундаментальное отличие данных прав от классических имущественных, вытекающих из гражданско-правового договора, состоит в их абсолютной, законодательно закреплённой необоротоспособности.

В рамках традиционных договорных отношений (к примеру, доверительного управления) имущественное требование кредитора может быть беспрепятственно уступлено третьим лицам. Напротив, закон императивно устанавливает, что права

выгодоприобретателя личного фонда не могут переходить к другим лицам (за исключением специфических случаев реорганизации бенефициара – юридического лица).

Законодательство прямо блокирует любую возможность обращения взыскания на права выгодоприобретателя личного фонда по его личным обязательствам перед кредиторами. Благодаря подобному подходу формируется мощный эффект защиты активов, поскольку выгодоприобретатель не отвечает по обязательствам фонда, а сам фонд не несет ответственности по долгам бенефициара.

В целях наглядной визуализации ключевых правовых различий между рассматриваемыми институтами целесообразно сопоставить их базовые юридические характеристики (см. таблицу 1). С помощью данного анализа демонстрируется принципиальная разница в подходах законодателя к защите активов.

Таблица 1 – Сравнительно-правовая характеристика имущественных прав, вытекающих из гражданско-правового договора, и прав бенефициара личного фонда (составлено на основе [1, 2, 4, 9])

Критерий	Права из гражданско-правового договора	Права бенефициара личного фонда
Оборотоспособность	Как правило, могут беспрепятственно передаваться третьим лицам посредством цессии	Императивно не могут переходить к другим лицам, за исключением случаев преобразования юридического лица
Обращение взыскания	Допускается по неисполненным обязательствам любой стороны договора	Прямо запрещено законом по личным обязательствам выгодоприобретателя фонда
Перекрестная ответственность	Сторона отвечает своим переданным имущественным правом по долгам	Фонд не отвечает по долгам бенефициара, а бенефициар не отвечает по долгам фонда

Вопрос о допустимости и пределах обращения взыскания на права бенефициара личного фонда стал предметом острой полемики среди отечественных правоведов. По-видимому, жесткая законодательная позиция о полной изоляции прав требует дифференцированного подхода (в зависимости от реальных целей учреждения конкретного фонда).

Так, Д.П. Заикин отмечает необходимость глубокого разделения личных фондов по их сущностной и целевой направленности. По его мнению, если фонд содержит ярко выраженный общественно полезный элемент, то законодательная невозможность обращения взыскания на права бенефициара является социально и юридически оправданной [6].

Вместе с тем, Д.П. Заикин утверждает, что при сведении цели фонда исключительно к простому обогащению бенефициара ситуация существенно меняется. В таких случаях возможность обращения взыскания кредиторами обеспечила бы справедливый баланс интересов и надежно защитила бы права самих взыскателей от злоупотреблений [6].

Более радикальную позицию в данной дискуссии занимают Е.Ю. Петров, С.Л. Будылин, Р.С. Безвенко. Они подвергают резкой критике норму о полной изоляции имущественных прав бенефициара от требований кредиторов. Авторы высказывают серьезные сомнения в целесообразности и макроэкономической обоснованности столь

сильного имущественного иммунитета. Как справедливо считают указанные авторы, подобный подход законодателя дает выгодоприобретателю потенциальную возможность беспрепятственно пользоваться активами фонда как своими собственными. В результате такого регулирования недобросовестный должник способен полностью избежать ответственности, оставляя своих личных кредиторов ни с чем [8].

В свою очередь, Е.И. Червец высказывает противоположное мнение, акцентируя внимание на необходимости защиты непрерывности коммерческой деятельности. Исследователь обоснованно полагает, что работающий бизнес, который передан в личный фонд, не должен становиться предметом раздела и разрушения личными кредиторами отдельного выгодоприобретателя [10].

В целях соблюдения баланса интересов Е.И. Червец подчеркивает, что кредиторы бенефициара вправе обращать взыскание на те доходы, которые уже фактически поступили выгодоприобретателю от деятельности фонда. При этом реализация самой совокупности прав выгодоприобретателя к фонду другими лицами грубо нарушала бы волю учредителя [10].

Помимо этого, по мнению Е.И. Червец, наделение прав бенефициара признаком оборотоспособности сделало бы их слишком схожими с правами участников корпораций. Это неизбежно привело бы к концептуальному смешению фонда и корпорации, а также открыло бы опасную возможность интервенции кредиторов в имущественную сферу самого фонда [10].

Таким образом, можно определенно сделать вывод, что абсолютное большинство учредителей личных фондов в России создают их именно с целью преемственности и защиты активов от фрагментации. В среднем ежемесячно учреждается порядка 30 новых фондов, куда передается имущество стоимостью не менее 100 миллионов рублей [3].

В отличие от классических договорных моделей, где переданный капитал подвержен всем экономическим рискам участников, личный фонд формирует полностью независимый центр накопления активов, что делает его в том числе таким привлекательным для долгосрочного планирования. Впрочем, отсутствие гибкого механизма защиты кредиторов объективно стимулирует злоупотребление правовой формой (*Rechtsformmissbrauch*) для целенаправленного уклонения от ответственности.

Основываясь на проведенном анализе, следует сформулировать комплексные рекомендации, которые направлены на системное устранение выявленного законодательного дисбаланса.

Так, предлагается внести в Гражданский кодекс РФ дифференцированный подход к допуску обращения взыскания, который будет строго базироваться на целевом критерии создания личного фонда. Представляется возможным нормативно закрепить право добросовестных кредиторов обращать взыскание на права требования выгодоприобретателя к фонду в судебном порядке, если доказано, что главной и единственной целью учреждения такого юридического лица являлось преднамеренное уклонение от исполнения имущественных обязательств перед третьими лицами.

Научная и практическая новизна данной рекомендации проявляется в адаптации популярной доктрины «пробивания корпоративной вуали» к специфическим отношениям, которые возникают вокруг некоммерческих унитарных организаций в российском праве. Как представляется, именно такая точечная мера поможет результативно решить актуальную проблему судебной защиты кредиторов. При этом подобный механизм не приведет к деградации или полному разрушению базовой концептуальной целостности самого института личного фонда как инструмента долгосрочного планирования.

В качестве дополнительной меры, нацеленной на сохранение хрупкого равновесия между защитой действительной воли учредителя и обеспечением прав личных кредиторов

выгодоприобретателя, целесообразно законодательно конкретизировать процедуру взыскания доходов. Предлагается установить возможность для кредиторов в судебном порядке наложить обязанность на личный фонд автоматически переводить взыскателям причитающиеся «дивиденды» (иные имущественные блага) бенефициара, которая подлежит периодической выплате ему по утвержденным условиям управления. Это позволит сохранить и не нарушить внутреннее бизнес-устройство личного фонда, но в то же время послужит открытым и устойчивым источником погашения обязательств выгодоприобретателя перед личными кредиторами.

Таким образом, имущественные права выгодоприобретателя личного фонда имеют подчеркнуто фидуциарный, доверительный, строго личный характер. Они весомо отличаются от стандартных прав из гражданско-правовых договоров. Отечественный законодатель при конструировании ст. 123.20-6 ГК РФ целенаправленно пошел по пути максимальной юридической изоляции переданных активов, императивно исключив как их свободную оборотоспособность, так и любую возможность принудительного обращения на них взыскания по долгам бенефициаров. С одной стороны, выстроенная правовая модель надежно гарантирует исключительную стабильность управления крупным частным капиталом. Она защищает консолидированный работающий бизнес от разрушительных корпоративных конфликтов или неконтролируемого дробления имущества. С другой, предоставленный законодателем чрезмерный имущественный иммунитет неизбежно порождает серьезные макроэкономические и юридические риски, в том числе, рост фиктивных банкротств; систематическое, преднамеренное ущемление законных интересов кредиторов, которые лишены доступа к активам своих должников.

Внедрение предложенных в статье комплексных правовых механизмов обеспечит существенное укрепление доверия и институциональной прозрачности российской экономики, а также закономерное снижение кредитных рисков финансовых организаций. В конечном счете, реализация этих инициатив сделает механизм управления частным капиталом более сбалансированным, социально справедливым, инвестиционно привлекательным на долгосрочном горизонте стратегического планирования.

Список литературы:

1. Волокитин, И.И. Правовой статус выгодоприобретателей личного фонда / И.И. Волокитин // Юридическая наука. – 2023. – № 7. – С. 113-116.
2. Гребенкина, И.А. Правовой статус личного фонда: обзор ключевых проблем и изменений / И.А. Гребенкина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2025. – № 1. – С. 92-96.
3. Демина, Т. Управление на сотни миллионов: в России наблюдается «бум личных фондов» // [Электронный ресурс]: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/04/10/2025/68e0c79b9a79474a32455ef5> (дата обращения: 01.03.2026).
4. Емелькина, Я.В. Личный фонд: проблемы определения правового статуса учредителя и выгодоприобретателей / Я.В. Емелькина // Юридический мир. – 2025. – № 5. – С. 28-32.
5. Загвоздкина, Е. Число личных фондов в России резко выросло в 2024 году // [Электронный ресурс]: <https://www.forbes.ru/biznes/535407-cislo-licnyh-fondov-v-rossii-rezko-vyroslo-v-2024-godu> (дата обращения: 01.03.2026).

6. Заикин, Д.П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации / Д.П. Заикин // диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва: 2021. – 322 с.
7. Личные фонды в России: рынок за год вырос более чем в три раза и вышел за пределы двух столиц // [Электронный ресурс]: <https://svinin.ru/novosti/lichnye-fondy-v-rossii-rynok-za-god-vyros-bolee-chem-v-tri-raza-i-vyshel-za-predely-dvuh-stolic/> (дата обращения: 01.03.2026).
8. Наследственное право. Постатейный комментарий к статьям 1110-1185, 1224 ГК РФ / Е.Ю. Петров, С.Л. Будылин, Р.С. Безвенко. – М.: Статут, 2018. – 510 с.
9. Нестерова, Т.И. Правовое регулирование личных фондов в Российской Федерации / Т.И. Нестерова, А.Ю. Живаева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 4 (259). – С. 84-94.
10. Червец, Е.И. Личные фонды на стыке права и экономики: механизмы управления частным капиталом. Монография / Е.И. Червец. – М.: Chervets partners, Статут, 2025. – 260 с.

References:

1. Volokitin I.I. The Legal Status of Beneficiaries of a Personal Fund // Legal Science. – 2023. – No. 7. – Pp. 113-116.
2. Grebenkina I.A. The Legal Status of a Personal Fund: A Review of Key Issues and Amendments // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2025. – No. 1. – Pp. 92-96.
3. Demina T. Managing Hundreds of Millions: A “Boom of Personal Funds” Observed in Russia // [Electronic resource]: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/04/10/2025/68e0c79b9a79474a32455ef5> (accessed: 01.03.2026).
4. Emelkina Ya.V. Personal Fund: Issues in Defining the Legal Status of the Founder and Beneficiaries // Legal World. – 2025. – No. 5. – Pp. 28-32.
5. Zagvozdina E. The Number of Personal Funds in Russia Increased Sharply in 2024 // [Electronic resource]: <https://www.forbes.ru/biznes/535407-cislo-licnyh-fondov-v-rossii-rezko-vyroslo-v-2024-godu> (accessed: 01.03.2026).
6. Zaikin D.P. The Civil Law Status of a Fund in the Russian Federation: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. – Moscow: 2021. – 322 p.
7. Personal Funds in Russia: The Market Grew More Than Threefold Over the Year and Expanded Beyond the Two Capitals // [Electronic resource]: <https://vc.ru/id5684935/2736763-lichnye-fondy-v-rossii-rost-rynka-bolee-chem-v-3-raza> (accessed: 01.03.2026).
8. Inheritance Law. Article-by-Article Commentary on Articles 1110-1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation / E.Yu. Petrov, S.L. Budylin, R.S. Bezvenko. – Moscow: Statut, 2018. – 510 p.
9. Nesterova T.I., Zhivaeva A.Yu. Legal Regulation of Personal Funds in the Russian Federation // Property Relations in the Russian Federation. – 2023. – No. 4 (259). – Pp. 84-94.

10. Chervets E.I. Personal Funds at the Intersection of Law and Economics: Mechanisms for Managing Private Capital. Monograph. – Moscow: Chervets Partners, Statut, 2025. – 260 p.